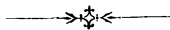

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.
1910.

(съ приложеніемъ одного портрета и пятидесяти шести рисунковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Оогр., 9 лпн., № 12.

1912.

МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Сюанъ-Дзанъ и результаты современныхъ археологическихъ изслѣдованій ¹⁾.

Въ литературѣ немусульманской Индіи, столь богатой религіозными, философскими и поэтическими произведеніями, почти совсѣмъ отсутствуютъ сочиненія историческаго характера, и немногія дошедшія до насъ санскритскія хроники составлены въ томъ же духѣ, какъ работы современныхъ пандитовъ, не имѣющихъ понятія объ исторической критикѣ. Даже наиболѣе ученый браминъ, который безъ всякихъ затрудненій рѣшаетъ сложнѣйшія логическія задачи, и тотъ не усомнится въ томъ, что сказочныя повѣствованія индійскаго эпоса о многоглавыхъ герояхъ мнѣйческаго періода основываются на дѣйствительныхъ фактахъ. Можно даже сказать, что мифологическій міръ является для типичнаго индійскаго ученаго болѣе реальнымъ, нежели событія недавняго прошлаго. Поэтому не удивительно, что въ сочиненіяхъ индійскихъ лѣтописцевъ правда и фантазія до такой степени сплелись въ одно цѣлое, что историкъ поставленъ въ необходимость пользоваться ими лишь съ крайней осторожностью. Такъ, напримѣръ, наиболѣе извѣстная индійская лѣтопись, составленная Калхапою Рѣжатарангини, повѣствуетъ намъ о томъ, что царствованіе одного изъ кашмирскихъ владителей длилось не менѣе трехсотъ лѣтъ ²⁾.

Еще меньше матеріала, чѣмъ историкъ, даетъ санскритская литература тому, кто интересуется древней географіей индійскаго полуострова, потому что такъ называемые географическіе отдѣлы источниковъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою перечисленія однихъ лишь именъ. Весьма характерно, что индійская литература, несмотря на то, что въ ней

1) Пробная лекція, прочитанная 6 ноября 1909 г. передъ факультетомъ Восточныхъ Языковъ.

2) См. Kalhana's Rājatarāṅginī, or Chronicle of the Kings of Kashmir, edited by M. A. Stein, Bombay 1892, tarāṅga I, 470.

почти не встрѣчаются сочиненія по географіи, довольно богата подробными описаніями мѣстных городовъ, горъ, небесъ и преисподней.

Въ виду указанныхъ недостатковъ туземной литературы, результаты археологическихъ работъ и сочиненія иноземныхъ путешественниковъ являются болѣе важными для изслѣдователя исторіи Индіи, чѣмъ для историковъ, изучающихъ прошлое остальныхъ культурныхъ странъ.

Наиболѣе важнымъ изъ сочиненій путешественниковъ, посѣтившихъ Индію въ періодъ до X вѣка по Р. Х., безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать трудъ великаго китайскаго паломника Сюань-Дзана. Последній путешествовалъ по Индіи и Средней Азіи съ 629 — 645 г. съ цѣлью собранія буддійскихъ книгъ и изученія главнѣйшихъ буддійскихъ священныхъ мѣстъ, лежащихъ къ западу отъ Китая.

Кромѣ ряда переводовъ съ санскритскаго на китайскій языкъ, Сюань-Дзанъ оставилъ описаніе своего путешествія по Западу. Это сочиненіе, какъ говоритъ Уоттерсъ¹⁾, пользуется и повнѣ большой извѣстностью не только въ китайскихъ буддійскихъ монастыряхъ, но и во всемъ Китаѣ. Составленное учениками Сюань-Дзана Янь-Дзунъ и Хуй-ли жизнеописаніе великаго странника содержитъ много матеріала, являющагося дополненіемъ къ его собственному труду, и эти свѣдѣнія несомнѣнно записаны на основаніи устнаго разсказа путешественника.

Stanislas Julien былъ первымъ, который перевелъ эти два сочиненія на европейскій языкъ подъ названіями: *Histoire de la vie de Hiouen-Tsang*²⁾ и *Mémoires sur les contrées occidentales*³⁾.

Появившіяся въ свѣтъ въ пятидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія книги Жюльена произвели сильное впечатлѣніе какъ въ Европѣ, такъ и въ Индіи.

Какое громадное значеніе придавалъ географическимъ указаніямъ Сюань-Дзана Каннипгэмъ, основатель систематической археологіи въ Индіи, видно изъ донесенія его отъ 1861 г. на имя Генераль-Губернатора Индіи⁴⁾. Въ этомъ донесеніи Каннипгэмъ называетъ Сюань-Дзана индійскимъ Павзаниемъ и, основываясь на путевыхъ замѣткахъ китайскаго паломника, представляетъ свой проектъ систематическаго изслѣдованія индійскихъ древностей. Что авторитетъ Сюань-Дзана и впоследствии не уменьшался, явствуетъ изъ того, что и во всѣхъ появившихся послѣ Кан-

1) Notes on Yuan Chwang's travels in India by Thomas Watters, London 1904, I. 1.

2) Paris 1858. Болѣе ранній переводъ В. П. Васильева на русскій языкъ остался не напечатаннымъ.

3) Paris 1857.

4) Four reports made during the years 1862—63—64—65, by Alexander Cunningham, Major-General etc., Archaeological Survey of India, Vol. I, Simla 1871, pag. IV.

нингэма трудахъ по индійской археологіи на сочиненіе китайскаго паломника указывается какъ на необходимую настольную книгу.

Такъ какъ Сюань-Дзанъ былъ буддйскимъ монахомъ, то само собою разумѣется, что предметомъ особаго его вниманія являлись мѣстности, имѣвшія отношенія къ жизни Śākjamuni или отличавшіяся постройками, воздвигнутыми въ честь Будды. Архитектурные памятники, находившіеся во времена Сюань-Дзана въ наиболѣе почитаемыхъ буддистами мѣстахъ Индіи, и впоследствии только въ рѣдкихъ случаяхъ подвергались перестройкамъ, а новыхъ зданій почти не воздвигалось, такъ какъ въ первой половинѣ VII столѣтія по Р. Х. началось уже паденіе буддйской религіи въ странѣ ея происхожденія. Это обстоятельство, конечно, облегчаетъ работы современныхъ изслѣдователей по опредѣленію дѣйствительнаго мѣсто-нахожденія упоминаемыхъ китайскимъ путешественникомъ буддйскихъ памятниковъ.

Первыя археологическія работы произведены были Каннингэмомъ въ Мадхѣдесѣ буддистовъ, въ странѣ, гдѣ, согласно древнѣйшимъ преданіямъ, родился, жилъ и умеръ Будда Śākjamuni.

Приблизительно въ серединѣ этой страны лежитъ городъ Бенаресъ, который и нынѣ еще считается индусами - брахманистами главнымъ центромъ ихъ религіозной и научной жизни. Для буддистовъ Бенаресъ имѣетъ значеніе потому, что тамъ Будда впервые началъ проповѣдь или, какъ выражаются его послѣдователи, тамъ онъ впервые началъ вращать колесо священнаго закона. Это важное событіе имѣло мѣсто, согласно сохранившемуся въ санскритскихъ и въ налійскихъ источникахъ преданію, на окраинѣ города Бенареса, въ паркѣ, носящемъ названіе Мргадāва, то есть «Роща Дикихъ Козъ». Пользуясь указаніями Сюань-Дзана, удалось установить, что Мргадāва находился на мѣстѣ извѣстномъ нынѣ подъ именемъ Сārṇātхъ и лежащемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ современнаго города. Сюань-Дзанъ повѣствуетъ, что эта мѣстность во время его пребыванія въ Бенаресѣ была застроена сотнями ступъ и вихаръ. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія она была покрыта цѣлымъ рядомъ развалинъ и лежащими на поверхности земли древними буддйскими статуями. Къ сожалѣнію интересъ къ индйской археологіи зародился у англійскихъ завоевателей страны лишь послѣ того, какъ большая часть цѣнныхъ памятниковъ старины пошла на постройку правительственныхъ путей сообщенія. Такъ напримѣръ, по свидѣтельству извѣстнаго археолога Эртеля¹⁾, на постройку одного лишь моста было вывезено изъ Сārṇātха 48 статуй.

1) См. F. O. Eertel, Excavations at Sārṇāth, Archaeological Survey of India, Annual Report 1904—5, pag. 64.

Тѣмъ не менѣе сохранилось еще до настоящаго времени большое количество памятниковъ. Такъ еще въ 1905 году найдена была колонна съ надписью императора Асоки (III стол. до Р. Х.); послѣдній воздвигъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ Будда впервые началъ вращать колесо священнаго закона¹⁾. Эту же колонну видѣлъ Сюань-Дзанъ передъ стѣпою, воздвигнутымъ, по его словамъ, тѣмъ же Асокою въ Рощѣ Дикихъ Козъ.

Другую еще болѣе цѣнную для исторіи буддизма колонну съ надписью Асоки же открылъ въ 1896 году, слѣдуя указаніямъ Сюань-Дзана, докторъ Фюреръ (Führer), приблизительно въ 300 верстахъ къ сѣверу отъ Бенареса на непальской территоріи въ мѣстности, извѣстной теперь подъ названіемъ Румминдеи. Профессоръ Бюлеръ²⁾, изслѣдовавшій эту надпись, утверждаетъ, что какъ характеръ письма, такъ и языкъ этого памятника даютъ намъ право отнести время созданія его къ III вѣку до Р. Х. Эта краткая надпись говоритъ о томъ, что здѣсь Асока въ 20 годъ своего царствованія молился и сказалъ: «здѣсь родился Будда Сѣкѣямуні». Кромѣ того надпись говоритъ, что по приказанію императора деревня Лумбини, какъ мѣсто рожденія высокочтимого, то есть Будды, освобождается отъ платежа всякихъ налоговъ. Профессоръ Бюлеръ установилъ также, что современное названіе этого мѣста — Румминдеп произошло отъ Лумбині, подъ каковымъ именемъ извѣстно въ буддійской литературѣ мѣсто рожденія Сѣкѣямуні. Сюань-Дзанъ повѣствуетъ, что онъ, посѣтивъ мѣсто рожденія Будды, видѣлъ воздвигнутую императоромъ Асокою колонну и недалеко отъ нея 4 стѣпы. Развалины этихъ 4 стѣпъ сохранились до нашихъ дней. Это обстоятельство и другія топографическія подробности, сообщаемыя объ этой мѣстности, даютъ намъ возможность положительно утверждать, что въ данномъ случаѣ опредѣлено именно то мѣсто, которое извѣстно было императору Асокѣ и паломнику Сюань-Дзану, какъ мѣсто рожденія Сѣкѣямуні Будды.

Открытіе, сдѣланное докторомъ Фюреромъ, дастъ, безъ сомнѣнія, въ будущемъ археологамъ возможность, пользуясь указаніями Сюань-Дзана, опредѣлить и третье, весьма важное для исторіи буддизма, мѣсто. Городъ Капилавасту, гдѣ по преданію жилъ Сuddходана, отецъ Сѣкѣямуні, и гдѣ Будда провелъ свою юность, согласно указаніямъ всѣхъ источниковъ, находился недалеко отъ Лумбині³⁾.

Указанія Сюань-Дзана повели уже къ производству археологическихъ

1) См. I. Ph. Vogel, *Epigraphia Indica* VIII, 166. sqq.

2) См. G. Bühler, *Epigraphia Indica* V, 1 sqq.

3) См. W. Vost, *Identifications in the region of Kapilavastu*. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1906, pagg. 553 sqq.

раскопокъ въ окрестностяхъ Румминдеи, при чемъ открыты были 2 мѣста съ развалинами. Для окончательнаго опредѣленія, которое изъ двухъ этихъ мѣстъ соотвѣтствуетъ древнему Капилавасту, потребуются еще дополнителныя раскопки.

Съ точностью однако можно установить мѣсто, гдѣ находился городъ Рѣжагрха, о которомъ такъ часто упоминается въ буддйскихъ сочиненіяхъ. Въ Рѣжагрхѣ, говоритъ преданіе, Сакјамуни провелъ долгое время и здѣсь сообщалъ онъ своимъ ученикамъ большое количество сѣтръ. Еще Кашингэмъ съ точностью установилъ, что нынѣшній Рѣжгиръ, расположенный приблизительно въ 250 верстахъ къ востоку отъ Бенареса, стоитъ на мѣстѣ именно города Рѣжагрха, о которомъ упоминается въ текстахъ. То обстоятельство, что о двухъ горячихъ источникахъ, которые и нынѣ бьютъ близъ Рѣжгйра, упоминается какъ въ буддйскихъ сѣтрахъ, такъ и въ сочиненіяхъ Сюань-Дзана, существенно облегчаетъ опредѣленіе разныхъ топографическихъ деталей. Китайскій странникъ даетъ описаніе какъ древней столицы страны Магадха, такъ и воздвигнутаго царемъ Бимбисарою, современникомъ Будды, новаго Рѣжагрхи, расположеннаго недалеко отъ перваго. Развалины этихъ двухъ городовъ теперь еще можно распознать. Д-ру Блоху (Bloch) и мистеру Маршаллу (Marshall) удалось недавно, благодаря китайскому источнику, установить, гдѣ находилась извѣстная всѣмъ буддистамъ гора Грдхракѣта или Гора Коршунъ. Гора эта носитъ теперь названіе Чхатхѣ-гири и лежитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Рѣжгиромъ. На этой горѣ сохранились еще каменные ступени, которыя высѣчены были, по свѣдѣтельству Сюань-Дзана, царемъ Бимбисарою¹⁾.

И въ остальной части описаніе этой знаменитой горы китайскимъ путешественникомъ согласуется съ изслѣдованіями англійскихъ археологовъ. На дорогѣ, ведущей къ этой горѣ, находились, по словамъ Сюань-Дзана 2 стѣпы, одинъ на томъ мѣстѣ, гдѣ царь обыкновенно сходилъ съ коня, когда онъ приближался къ горѣ, а другой, гдѣ повелитель отпускалъ свою свиту, продолжая путь одинъ. Развалины этихъ стѣпъ найдены; опредѣлено также мѣстоположеніе Веццана, извѣстной Бамбуковой Роши. Подобнымъ же способомъ удалось В. Смиту (V. Smith), совместно съ нѣкоторыми другими археологами, установить тождество Ваисали, гдѣ любилъ бывать Сакјамуни Будда, съ нынѣшнимъ Басархомъ. Это мѣсто находится въ такомъ же разстояніи отъ Бенареса, какъ и Рѣжагрха, но лежитъ немного сѣвернѣе, чѣмъ древняя столица Магадхи. И въ этомъ мѣстѣ Сюань-Дзанъ видѣлъ воздвигнутую императоромъ Асокою колонну, на вершинѣ которой находилась вы-

1) Arch. Surv. Ind., Ann. Rep. 1905—6, pagg. 86 sqq.

сѣченный изъ камня левъ. Хотя на этой колоннѣ не найдено никакой надписи, она представляетъ сама по себѣ значительный интересъ уже потому, что стоитъ еще теперь какъ была поставлена почти 2200 лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ какъ упомянутыя выше колонны найдены разбитыми и покрытыми землею. Археологи, изслѣдовавшіе эту колонну, полагаютъ, что и на ней находилась первоначально надпись, которая, съ теченіемъ времени, исчезла. Стилль изображенія льва безусловно подтверждаетъ правильность предположенія археологовъ, что колонна воздвигнута была дѣйствительно императоромъ Ашокою.

Сочиненіе Сюань-Дзана служить не только источникомъ при изслѣдованіи буддѣйскихъ древностей, но является также и необходимымъ и основнымъ источникомъ при изученіи древней географіи Индіи вообще. Это явствуетъ изъ обширнаго труда Каннингэма: *The ancient geography of India*, появившагося въ 1871 году и основаннаго главнымъ образомъ на сочиненіи китайскаго паломника.

Новѣйшій изслѣдователь древней географіи сѣверной части Индіи профессоръ Фушэ (Foucher) также пользуется сочиненіями Сюань-Дзана для работы, изданной имъ въ 1901 году въ *Bull. École Fr. Extr. Or. Vol. I.* подъ заглавіемъ: «Notes sur la géographie ancienne du Gandhâra. Commentaire à un chapitre de Hïuen-tsiang».

Гандхăра принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ Индіи, гдѣ ранѣе всего водворился буддизмъ. Здѣсь еще до Р. Х. буддѣйское искусство развилось подъ вліяніемъ греческой культуры.

Грюнведель доказалъ, что въ монастыряхъ Гандхăры выработано было, подъ руководствомъ греческихъ мастеровъ, большинство типовъ, копии и до сихъ поръ пользуются какъ образцами при изготовленіи бурхановъ — тибетцы, китайцы, монголы и японцы.

Буддизмъ теперь окончательно исчезъ изъ Гандхăры и туземное население, принадлежавшее къ индѣйскому племени во времена Сюань-Дзана, состоитъ теперь изъ афганцевъ. Этимъ объясняется исчезновеніе почти всѣхъ названій буддѣйскихъ священныхъ мѣстностей этой страны, о которыхъ говорится въ старыхъ сочиненіяхъ, между тѣмъ какъ большинство мѣстъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Бенареса, именуется теперь своимъ индѣйскимъ населеніемъ тѣми же названіями (съ фонетическими измѣненіями), которыя они носили болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ.

Однимъ изъ немногихъ гандхăрскихъ названій, которыя подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ, является имя города Пешаваръ. Этотъ городъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ это доказалъ Фушэ, находился прежде Пурушанура, столица Гандхăрскаго царства. Недалеко отъ

этого города стоялъ знаменитый стѣпа, который по буддѣйскому преданію былъ построенъ царемъ Канишкою.

Пользуясь указаніями Сюань-Дзана, подробно описавшаго стѣпу, Фушэ заключилъ, что извѣстныя нынѣ подъ именемъ Шѣх-жй-кй-Дхерй развалины, находящіяся недалеко отъ Пешавара, не что иное, какъ остатки построеннаго царемъ Канишкою стѣпы.

Высказанное Фушэ мнѣніе повело къ точному археологическому изслѣдованію развалины. Эти работы, начатыя въ послѣднее время Маршалломъ, генеральнымъ директоромъ археологіи въ Индіи, и докторомъ Спунеромъ (Spooner), уже дали важные результаты.

Сюань-Дзанъ упоминаетъ объ останкахъ Будды, похороненныхъ въ этомъ стѣпѣ царемъ Канишкою. Въ началѣ текущаго года былъ найденъ въ развалинахъ Шѣх-жй-кй-Дхерй художественной работы металлической ящикъ, въ которомъ находились остатки человѣческихъ костей. Изъ надписи, помѣщенной на ящикѣ, видно, что остатки эти дѣйствительно были похоронены царемъ Канишкою и находка Спунера такимъ образомъ блестяще доказываетъ правильность того предположенія, къ которому привели профессора Фушэ указанія Сюань-Дзана. На крышкѣ ящика находятся 3 статуэтки, изображающія Будду Сѣкѣмуни и двухъ бодисатвъ. Боковыя же стѣнки ящика украшены рельефными изображеніями фигуръ, сгруппированныхъ вокругъ Канишки, при чемъ послѣдній представляется въ такомъ же видѣ какъ на монетахъ его имени¹⁾.

Маршаллъ установилъ, что ящикъ былъ сдѣланъ въ періодъ упадка гандхѣрскаго искусства, и на основаніи этого онъ приходитъ къ заключенію, что ошибочно мнѣніе тѣхъ археологовъ, которые предполагаютъ, что гандхѣрское искусство достигло апогея своего расцвѣта именно во времена царя Канишки.

Докторъ Спунеръ, тщательно изучившій помлнутую надпись, полагаетъ, что, судя по характеру буквъ «кхаростхй», эта надпись относится къ первому столѣтію до Р. X.²⁾ Если заключеніе Спунера правильно, то царствованіе Канишки должно быть отнесено къ I в. до Р. X., что не согласуется съ мнѣніемъ многихъ историковъ.

Новѣйшее открытіе археологовъ имѣетъ такимъ образомъ чрезвычайное важное значеніе для исторіи Индіи и должно обратить на себя вниманіе и тѣхъ, кто интересуется прошлымъ Средней Азіи, ибо извѣстно, что царю Канишкѣ подвластны были и нѣкоторыя области, лежащія къ сѣверу отъ Индіи.

1) См. J. R. A. S. 1909, pagg. 1056 sqq.

2) См. Archaeological Report, Northwest Frontier Province, 1908—9.

И такъ, Сюань-Дзанъ своимъ описаніемъ индійскаго города Пешавара оказалъ, хотя косвенно, услугу и дѣлу изученія среднеазиатской исторіи. Непосредственную же услугу этому дѣлу оказалъ великій китайскій путешественникъ, оставивъ описанія нѣкоторыхъ среднеазиатскихъ городовъ и государствъ, черезъ которые шелъ путь его изъ Китая въ Индію, и другихъ, которые онъ видѣлъ, возвращаясь обратно къ себѣ на родину.

Интересъ, который возбуждали въ буддійскомъ паломникѣ архитектурныя сооруженія Средней Азіи, конечно, уступалъ тому благоговѣнію, съ которымъ онъ смотрѣлъ на священные памятники самой Индіи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что памятники даже и буддійскихъ городовъ Средней Азіи описываются Сюань-Дзаномъ менѣе подробно, чѣмъ первые. Однако, какъ видно изъ обширнаго труда Штейна (Stein) «Ancient Khotan», и изъ этихъ краткихъ описаній можно извлечь не малую пользу при систематическомъ изслѣдованіи буддійскихъ памятниковъ Средней Азіи.

Одинъ изъ первыхъ городовъ, которые посѣтилъ Сюань-Дзанъ на пути своемъ изъ Китая въ Индію, была столица страны, называемой паломникомъ Дзю-джи, и, вѣроятно, никто не сомнѣвается въ томъ, что этотъ городъ стоялъ на мѣстѣ, гдѣ находится современная Куча.

Сюань-Дзанъ говоритъ, что царство Дзю-джи было богато буддійскими монастырями и что въ немъ проживало около 5000 буддійскихъ монаховъ. Изъ описанія царства Дзю-джи и сосѣдней страны Бо-лу-дзя явствуетъ, что буддійскіе монахи древней Кучи во время пребыванія тамъ паломника знали санскритъ и кромѣ того обладали туземнымъ языкомъ, для передачи звуковъ котораго пользовались нѣсколько измѣненнымъ индійскимъ алфавитомъ.

Нѣтъ сомнѣній, что часть привезенныхъ Михаиломъ Михайловичемъ Березовскимъ изъ Кучи рукописей, которыя относятся къ VIII или IX вѣку, являются остатками языка, встрѣченнаго Сюань-Дзаномъ въ Кучѣ на ряду съ санскритомъ.

Николай Дмитріевичъ Мпроновъ¹⁾ занялся изслѣдованіемъ этихъ рукописей и доказалъ, что онѣ написаны на языкѣ, названномъ Лейманномъ²⁾ (Leumann) языкомъ I.

Еще до путешествія Березовскаго въ Кучу въ буддійскомъ стѣпѣ близъ этого города была найдена туземцами большая рукопись, написанная на языкѣ I. Она теперь находится въ Калькуттѣ, но больше всего матеріала для изученія этого языка имѣется въ Берлигѣ и добыто при раскоп-

1) См. П. И. А. II. 1909, pagg. 547 sqq.

2) См. Z. D. M. G. LXI, 648 sqq. и LXII, 83 sqq.

кахъ, произведенныхъ профессоромъ Грюнведелемъ и докторъ фонъ-Лекокомъ въ окрестностяхъ Кучи и Турфана.

Пользуясь этими рукописями, содержащими отчасти переводы известныхъ буддійскихъ текстовъ, Зигу (Sieg) и Зиглигу (Siegling) удалось установить цѣлый рядъ лексикографическихъ и грамматическихъ данныхъ, основываясь на которыхъ профессоръ Зигъ прочелъ на послѣднемъ конгрессѣ ориенталистовъ подробный докладъ о характерѣ языка I¹).

Большинство письменныхъ знаковъ, встрѣчающихся въ остаткахъ языка I, заимствовано изъ индійскаго алфавита Брѣхми, хотя встрѣчаются также и знаки неизвѣстные въ Индіи и, очевидно, служившіе для передачи звуковъ, чуждыхъ индійскимъ языкамъ.

Названные изслѣдователи, однако, съ точностью опредѣлили значеніе большей части до сего времени неизвѣстныхъ знаковъ. Въ особенности удивительно то обстоятельство, что многія слова языка I, индогерманскій характеръ котораго слѣдуетъ считать установленнымъ, болѣе похожи на слова европейскихъ языковъ съ тѣми же значеніями, чѣмъ на соответствующія слова азіатскихъ представителей той же группы.

Такъ напримѣръ слово *āluk* (другой) напоминаетъ намъ о латинскомъ *alius*, *rog* (огонь) близко подходитъ къ греческому *πῦρ* и наконецъ быкъ называется *okso*, что уже очень мало отличается отъ нѣмецкаго слова *Ochs*.

Часть сочиненія Сюань-Дзана, касающаяся юга восточнаго Туркестана, отличается большей подробностью, чѣмъ глава работы, отчасти описывающая сѣверъ этой области.

Извѣстный путешественникъ Штейнъ, который по порученію англо-индійскаго правительства первымъ изъ европейскихъ архологовъ объѣхалъ оазисъ Хотана и его окрестности въ 1900 и 1901 гг., пользовался избраннымъ китайскимъ паломникомъ путемъ и открылъ на основаніи указаній послѣдняго множество развалинъ буддійскихъ памятниковъ. Такъ напримѣръ ему удалось найти развалины одного стѣны, находившагося по словамъ Сюань-Дзана вблизи города Хотана въ мѣстности, называемой Сомо-ѣ. Оказалось, что сохранилось до нашихъ дней не только названіе этого мѣста, извѣстнаго теперь подъ именемъ *Somiya*, но даже до извѣстной степени и культъ его²).

Штейнъ сообщаетъ между прочимъ въ своемъ обширномъ трудѣ, что мѣстные мусульмане теперь еще почитаютъ эти развалины, не связывая это почитаніе съ памятью о какомъ-либо извѣстномъ мусульманскомъ святомъ. Кромѣ свѣдѣній, проливающихъ свѣтъ на исторію религіозныхъ па-

1) См. Sitzungsber. Kgl. Preuss. Ak. Wiss. 1908, pagg. 915 sqq.

2) См. M. Aurel Stein, Ancient Khotan, Oxford 1907, Vol. I, 223 sqq.

мятниковъ древняго Хотана, сочиненіе Штейна содержитъ и другіе матеріалы для изученія исторіи этого города, имѣвшаго извѣстное значеніе для буддистовъ всей сѣверной Азіи.

Прежде всего мы имѣемъ въ данномъ случаѣ остатки языка, до послѣдняго времени совершенно неизвѣстнаго, который представляется намъ въ работѣ Штейна въ видѣ механическихъ репродукцій написанныхъ индійскими знаками Брѣхмій рукописей.

Оригиналы воспроизведенныхъ рукописей найдены въ разныхъ разстояніяхъ отъ Хотана и относятся, какъ доказываетъ Штейнъ на основаніи добытыхъ въ тѣхъ же мѣстахъ датированныхъ китайскихъ документовъ, къ VIII столѣтію по Р. Х. Такое опредѣленіе времени позволяетъ намъ заключить, что упомянутыя рукописи составлены на языкѣ, слышанномъ Сюань-Дзаномъ во время его пребыванія въ Хотанѣ въ VII вѣкѣ. И этотъ языкъ передавался, по словамъ Сюань-Дзана, индійскими знаками, въ незначительной степени отличающимися отъ употребляемыхъ въ самой Индіи буквъ.

Въ рукописяхъ, привезенныхъ Штейномъ, написанныхъ на языкѣ, названномъ Лейманномъ языкомъ II, встрѣчаются также неизвѣстные въ Индіи знаки, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ остаткахъ языка I.

Языкъ I и языкъ II сильно отлѣчаются другъ отъ друга. Первый, какъ уже было сказано, приближается къ европейскимъ языкамъ, между тѣмъ какъ второй, повидимому, слѣдуетъ считать иранскимъ нарѣчіемъ.

Въ виду того, что изслѣдованіе грамматическаго строя языка II почти еще не привело ни къ какимъ результатамъ, для подтвержденія высказаннаго предположенія приводятся лишь лексикографическія данныя. На иранскій характеръ языка II указываютъ во первыхъ имена числительныя: tcahuri — 4; pañja — 5; hauda — 7; nauti — 90; sati — 100; ysäre[zäre] — 1000; но и другія слова, какъ: kamalu голова; dasta рука; ysänü[zänü] колѣно; pitaru отецъ; mātaru мать; vūri сынъ; kūsū барабанъ; güçto мясо; gyastī богъ; givāsa лица; birgi волкъ.

Многочисленные факты даютъ намъ указанія на то, что буддійскіе монахи Хотана сыграли немаловажную роль въ качествѣ посредниковъ между страной происхожденія ихъ религіи и буддистами значительной части остальной Азіи.

Въ изданномъ Wuyiu Nanjio каталогѣ китайскаго Трипитаки перечисляются имена цѣлаго ряда туземцевъ Хотана, составившихъ переводы буддійскихъ сочиненій на китайскій языкъ. Что и родной языкъ этихъ переводчиковъ имѣлъ не мало вліянія на буддистовъ дальняго востока, видно

изъ того, что говорить архимандритъ Палладій о словѣ хэ-шанъ, обозначающемъ столь первоначальное для буддистовъ понятіе какъ «монахъ»:

«Этимъ общенароднымъ названіемъ, такъ пишетъ архимандритъ въ «Восточномъ Сборникѣ», называются, въ монголо-китайскихъ актахъ, буддійскіе монахи. Это слово, по преданію буддистовъ, не есть ни китайское, ни индійское, а перешло въ Китай изъ Хотана, въ то время, когда въ немъ процвѣталъ буддизмъ; къ какому нарѣчію оно принадлежитъ, неизвѣстно».

На то, что буддисты Хотана принимали участіе въ дѣлѣ сообщенія уйгурамъ сокровищъ буддійской литературы, указываетъ не только географическое положеніе упомянутаго центра буддійской учености.

Слѣдуетъ обратить также вниманіе на то обстоятельство, что китайскій путешественникъ VIII вѣка У-кунъ, согласно переводу Леви и Шаванна¹⁾, говоритъ о томъ, что высшимъ авторитетомъ по толкованію буддійскихъ сутръ въ Урумчи являлся хотанскій монахъ.

Слѣдуетъ полагать, что этотъ монахъ не былъ единственнымъ уроженцемъ Хотана, проповѣдовавшимъ среди уйгуровъ, и что такимъ образомъ и языкъ Хотана до извѣстной степени вліялъ на языкъ, на которомъ были написаны книги уйгурскихъ буддистовъ.

Поэтому мы можемъ надѣяться, что дальнѣйшее изученіе языка П, то есть литературнаго языка Хотана, будетъ способствовать разъясненію многихъ словъ, которыя встрѣчаются въ уйгурскихъ и въ монгольскихъ переводахъ буддійскихъ сочиненій и происхожденіе которыхъ пока еще не удалось установить.

Принимая во вниманіе какъ характеръ языка П, такъ и антропологическія данныя, Штейнъ приходитъ къ убѣжденію, что теперешніе горные таджики являются родственниками того племени, которое составляло населеніе Хотана въ VIII столѣтіи по Р. Х. Горные таджики, какъ извѣстно, еще и до сего времени говорятъ на иранскомъ нарѣчіи.

Область, въ которой употребляются иранскія нарѣчія въ настоящее время, доходитъ до меридіана Яркенда.

Въ VIII-же вѣкѣ эта область простиралась далеко за предѣлы Хотанскаго царства, ибо значительная часть привезенныхъ англійскимъ путешественникомъ рукописей на языкѣ П, найдена имъ въ развалинахъ, находящихся въ Эндэрэ, приблизительно въ 350 верстахъ къ востоку отъ города Хотана. Эта мѣстность находится, согласно вполнѣ убѣдительному заключенію Штейна, въ предѣлахъ области, на которую Сюань-Дзанъ указываетъ какъ на древнее царство Ту-хо-ло, въ которомъ, однако, кп-

1) См. Sylvain Lévi et Ed. Chavannes, l'itinéraire d'Ou-Kong, Journal Asiatique, Sept.-Oct. 1895, pag. 365.

тайскій путешественникъ не видѣлъ ничего кромѣ пустынь и развалинъ старыхъ городовъ. Последнее обстоятельство заставляетъ насъ предположить, что въ этой области вскорѣ послѣ Сюань-Дзана (то есть послѣ первой половины VII вѣка) возникли новыя поселенія, ибо въ числѣ рукописныхъ памятниковъ, открытыхъ Штейномъ въ древнемъ царствѣ Ту-хо-ло, есть такіе, которые относятся къ VIII столѣтію.

Интересно отмѣтить, что тѣми же знаками Ту-хо-ло паломникъ передаетъ названіе народа, жившаго въ его время въ предѣлахъ страны, извѣстной изъ мусульманскихъ источниковъ подъ именемъ Тохаристана.

Этому западному Тохаристану, занимавшему по обоимъ берегамъ Аму-Дарьи области, принадлежація нынѣ частью къ Афганистану, частью къ Бухарѣ, Сюань-Дзанъ посвящаетъ сравнительно много мѣста. Между прочимъ онъ даетъ описаніе Балха, главнаго города страны, славившагося какъ древній центръ буддійской учености и, на основаніи многочисленности ея буддійскихъ святынь, называемаго малымъ Рѣжагрхоу.

По Сюань-Дзану тохарцы говорили на языкѣ, отличавшемся отъ языковъ сосѣднихъ народовъ; у нихъ былъ и свой особенный алфавитъ, состоявшій изъ 25 знаковъ; писали они слѣва направо.

Можно предполагать, что подъ развалинами вблизи современнаго Мазар-и-Шерифа найдутся и слѣды буддійскаго Балха и что систематическимъ раскопкамъ въ этомъ мѣстѣ суждено извлечь на Божій свѣтъ, если и не остатки упомянутой паломникомъ богатой мѣстной литературы, то по меньшей мѣрѣ нѣкоторое количество эпиграфическихъ памятниковъ.

Такіе эпиграфическіе памятники, если они дадутъ подлинныя образцы древне-тохарской письменности, были бы конечно съ радостью привѣтствуемы не только изслѣдователями исторіи буддизма. Къ сожалѣнію современныя политическія условія покуда препятствуютъ такимъ работамъ на афганской территоріи и малый Рѣжагрха Сюань-Дзана, по всей вѣроятности, пока останется не изслѣдованнымъ. Болѣе осуществимыми являются раскопки въ Тармызѣ, расположенномъ на правомъ берегу Аму-Дарьи на бухарской территоріи и принадлежавшемъ въ эпоху Сюань-Дзана также къ Тохаристану. Китайскій паломникъ повѣствуетъ, что въ главномъ городѣ этой области, называемой имъ Та-ми, отождествленіе котораго съ Тармызомъ едва ли подлежитъ сомнѣнію, находились многочисленныя буддійскіе монастыри и стѣпы¹⁾.

1) Въ своемъ трудѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» (С.П.В. 1898, pag. 78) профессоръ В. В. Бартольдъ говоритъ слѣдующее: «По словамъ проф. Мушкетова, среди развалинъ старой крѣпости часто попадаются «монеты, между которыми преобладаютъ греческія»; если такъ, то городъ [Тармызъ] имѣлъ значеніе задолго до начала арабскаго господства».

Въ 1896 г. появилась въ Средне-Азіатскомъ Вѣстникѣ статья генерала Пославскаго о развалинахъ Тармыза, которая можетъ вызвать предположеніе, что тамъ сохранились слѣды буддійской культуры. Особенно обращаютъ на себя вниманіе башни, которыя описываетъ генералъ Пославскій. О нихъ говорится въ статьѣ слѣдующее:

«Изъ ровнаго ряда основаній башенъ, соединенныхъ стѣной, рѣзко выдѣляются еще двѣ башни: № 3 и № 17; онѣ имѣютъ прямоугольныя очертанія, шириною около 10 шаговъ и выступаютъ въ воду отъ линіи соединительной стѣны шаговъ на 12. Одна изъ башенъ по труднодоступности не была обмѣрена мною. Оба эти основанія очень подмыты водой: глыбы кладки отломались отъ общаго ихъ массива, погрузились на ребро въ воду, но не размываются, а остаются и по сіе время цѣлыми монолитами. Нужно сказать, что растворъ между кирпичами не обладаетъ большою твердостью и крѣпостью: взятый изъ внутри кладки, онъ легко раздробляется руками, но поверхность его, обращенная къ водѣ, покрыта тонкой, твердой и гладкой корой, и отлично сопротивляется дѣйствію воды.

«Не считая возможнымъ вдаваться въ дальнѣйшее, болѣе подробное описаніе этихъ сооружений, такъ какъ при моемъ кратковременномъ и поверхностномъ осмотрѣ оно не имѣло бы главнѣйшаго достоинства — точности, скажу лишь, что онѣ многими признаками отличаются отъ всѣхъ остальныхъ построекъ и для меня кажется несомнѣннымъ, что онѣ древнѣе вышеописанныхъ и представляютъ собой, вѣроятно, часть того источника, изъ котораго брался матеріалъ для многочисленныхъ сооружений второй категоріи. Рѣка, покрывающая ихъ большую часть времени года, мѣшала дальнѣйшей разборкѣ, а высокое качество матеріала и работы помогло устоять противъ разрушительнаго дѣйствія рѣки; то п другое въ совокупности сохранило намъ ихъ до настоящаго времени. Мнѣ не удалось найти ничего, близко подходящаго по характеру постройки къ описанной набережной и башнямъ. Я ихъ и выдѣляю въ особую третью категорію. Нужно думать, однако, что раскопки и на другихъ сторонахъ возвышенности Г дали бы что нибудь, принадлежащее къ той же категоріи. Для раскопокъ особенный интересъ представляетъ собой часть возвышенности, прилежащая къ юго-восточному углу крѣпости, а именно: изъ обрывковъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, можно ясно видѣть, что самый массивъ возвышенности сложенъ въ этомъ мѣстѣ искусственно изъ мятой глины или сырцоваго кирпича весьма крупныхъ размѣровъ, причемъ ясно видны горизонтальные правильные ряды и швы; близъ этого же мѣста замѣчена мною въ толщѣ земли кладка изъ обожженнаго кирпича, два вертикальныхъ колодца, изъ которыхъ одинъ обратилъ на себя особенное вниманіе правильной обдѣлкой

обожженнымъ кирпичемъ стѣпъ по окружности, замѣчена здѣсь также кладка въ направленіи, перпендикулярномъ къ набережной, уходящая въ толщу возвышенности, и т. п.

«Считаю еще необходимымъ прибавить, что нѣкоторые признаки и наблюдаемыя теперь подробности заставляютъ меня сомнѣваться въ томъ, что стѣна съ башнями имѣла оборонительное назначеніе: во-первыхъ, разстояніе между башнями (около 20 шаговъ) могло быть вдвое болѣе для цѣлей оборонительныхъ, во-вторыхъ, толщина соединительной стѣны (не болѣе 2-хъ аршинъ) кажется мнѣ недостаточной для крѣпостной ограды, принимая во вниманіе высоту, которую она должна бы имѣть въ данномъ случаѣ; въ-третьихъ представляется совершенно страннымъ назначеніе двухъ крайнихъ отдѣльныхъ башенъ, которыя повидимому не могли быть соединены съ остальной набережной и съ возвышенностью всячимъ мостомъ; въ-четвертыхъ, въ одномъ мѣстѣ замѣчены мною двѣ стѣнки, параллельныя набережной, расположенныя уступами вверхъ отъ нея, образуя съ набережной какъ бы три террасы, обращенныя къ рѣкѣ, но теперь заваленныя осыпью мусора и щебня подъ общій откосъ. Если здѣсь была оборонительная стѣна, то она должна была быть высокой, доходить до верхней площадки возвышенности Г (примѣрно 10 саж. отъ основанія); въ такомъ случаѣ не было надобности въ стѣнкахъ за ней на нѣкоторомъ разстояніи уступами къ верху; еще менѣе цѣлесообразными для обороны являлись бы террасы, обращенныя къ неприятелю; въ-пятыхъ, трудно объяснить себѣ, какую роль въ оборонительномъ отношеніи играли два прямоугольныхъ выступа, № 3 и № 17, о которыхъ упомянуто выше. Однако, выражая невольное сомнѣніе въ томъ, что набережная съ башнями имѣла первоначально (при устройствѣ) оборонительное назначеніе, я затрудняюсь дѣлать догадки, какимъ именно оно могло быть тогда въ дѣйствительности. Рѣшаюсь высказать лишь одно предположеніе относительно башенъ № 1 и № 23, отдѣльно стоящихъ, а именно: не служили ли онѣ жертвенниками для огнепоклонниковъ (муговъ)? Въ послѣдующія эпохи набережная, повидимому, имѣла и оборонительное назначеніе»¹⁾.

Не слѣдуетъ ли предположить, что генералъ Пославскій описываетъ остатки стѣпъ, видѣнныхъ Сюань-Дзаномъ въ Тармызѣ, и что показанія великаго китайскаго паломника опять-таки приведутъ къ открытію памятниковъ буддѣйской древности, на этотъ разъ въ предѣлахъ, подвластныхъ Россійской Имперіи?

Бар. А. фонъ-Сталь-Гольштейнъ.

1) Средне-Азіатскій Вѣстникъ, декабрь 1896 г., стр. 93—95.